

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редактор А. Н. Стоянов.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 117.

ХАРЬКОВЪ, ВТОРНИКЪ 5 (17) Мая 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕЖА „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Город, безъ доставки	10 50	10	—	9 25	8 50	7 75	7	—	5 40	4 50	3 50	2 40
Город, съ доставк.	12	—	11 50	10 75	10	—	9 10	8 20	7	—	6 30	5 20
Изъ городовъ	12 50	12	—	11 25	10 25	9 50	8 50	7 50	6 50	5 50	4 50	3 20

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иосифовича; ТАЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кроме того, подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Мартынова и „Новая Вѣсть“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ П. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. И. Шапошникова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Биланъ; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родченка и въ Кременчугѣ, у гонимыхъ И. Ф. Зинберберга.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Havas, Lafite et Co. 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ извѣстій, на Петровскій, домъ Солодовникова, въ Петербургѣ въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струтинскаго и въ Варшавѣ въ марнакомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 23.

КУМЫСО-ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ Г. ЕЛИСАВЕТРАДѢ

ОТКРЫТО СЪ 1-ГО МАЯ ПО 1-Е СЕНТЯБРЯ.

Въ заведеніи пользуются настоящею стѣною кумысомъ и а) натуральными заграницными и кавказскими минеральными водами, б) выхлѣнами (ингалляціями) лѣкарственныхъ средствъ, пневматическимъ аппаратомъ для вдыханій стѣннаго и разряженнаго воздуха, в) кислородомъ, д) лѣченіемъ холодной водою (индустріей), е) электричествомъ. При заведеніи: меблированныя номера со столомъ и прислугою. Цѣны умеренныя.

Врачи: Гуляницкій, Гольдбергъ.

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.

(основанъ въ 1868 г.).

Складочный капиталъ . . . 1.000.000 р. — н.

Засланный капиталъ . . . 209.140 „ 28.

УПЛАЧИВАЕТСЯ ПО ВКЛАДАМЪ:

До востребованія . . . 5%.

На сроки до 1 года . . . 3%.

На сроки до 2 года и болѣе . . . 6%.

По текущимъ счетамъ . . . 4%.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ.

Учтываетъ векселя.

Переводитъ въ разные города Имперіи денежные суммы.

Принимаетъ на комиссію для полученія векселей, писанныхъ на русскую или иностранную валюту.

Исполняетъ порученія по покупкѣ и продажѣ разнаго рода цѣнныхъ бумагъ преимущественно же государственныхъ, гарантірованныхъ правительствомъ и заводныхъ листовъ мѣстныхъ земельныхъ банковъ.

Адресъ телеграфомъ и почтою: Харьковъ, Торговый Банкъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 4 мая 1881 года.

Мѣстная хроника: Замѣтка. — Письмо въ редакцію. — Изъ записной книжки репортера.

Телеграммы: (отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южного Края“ и отъ „Международнаго телеграфическаго агентства“).

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Александровска, Кіева, Бердичева, Елисаветграда, Бѣлгорода и Кременчука. — Административныя новости. — Извѣстія изъ газетъ.

Обозрѣнія газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетоны: Литературныя и общественныя очерки. К. Яроша.

Объявленія.

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ.

Случайная экскурсія въ область эстетики.

Случаемъ, побуждающимъ насъ совершить небольшую экскурсію въ область эстетики, послужили спектакли г-жи Федотовой, московской гостни нашей, прѣхавшей въ Харьковъ съ спеціальной цѣлью — умереть десяткомъ разъ въ десяти различныхъ драмахъ. Нельзя не отдать справедливости артисткѣ — она умираетъ прекрасно. Мы присутствуемъ при ея кончинѣ въ драмѣ „Вѣтерокъ“ (въ пьесѣ, исполненной мелодраматическихъ эффектовъ, стоящихъ на эстетическомъ рынкѣ по грому за шутку). Мы видѣли смерть человѣка во всѣхъ ея естественныхъ фазисахъ. Всѣ вѣщныя признаки смертельной болѣзни предстаютъ предъ нами въ такой рельефной картинѣ, что опытный медикъ, даже изъ самаго отдаленнаго угла театральнаго зала, могъ бы легко и безошибочно констатировать наступленіе послѣдняго періода чахотки. Затѣмъ посѣдовали, въ полномъ, полномъ составѣ, печальные атрибуты

плачевнаго акта „испусканія духа“: предсмертная зѣвота, судороги, и пр. Печальныя производено громадное, вся публика въ смущеніи: одни маскируютъ проступившія слезы, другіе стараются подавить горювыя слезы. Зававъ еще опускался съ торжественной медленностью, когда въ одной изъ ложъ послышались пронзительныя, раздирающія душу, истерическія крики...

Наблюдая эти проявленія произведеннаго спектаклемъ дѣйствія, анализируя свое собственное впечатлѣніе, аналогичное съ тѣмъ, какое можно получить въ больничной палатѣ, — зритель приходитъ въ раздумье. Все ли, что производитъ впечатлѣніе, имѣетъ законное мѣсто на сценѣ? Театръ — воспроизведеніе дѣйствительности, зеркало природы и жизни, — говорятъ натуралисты-эстетики. Но все ли естественное допустимо на сценѣ? Безъ сомнѣнія, каждый можетъ представить себѣ многое, весьма натуральное, что, однако же, не годится для публичнаго зрѣлища. Мы не будемъ приводить примѣровъ грандіоз-

честіе, вѣмѣтельность государства въ дѣла вѣры. „У насъ нельзя даже быть и Богомъ, — иронически замѣчаетъ онъ, — иначе, какъ съ разрѣшенія сената“. Наконецъ въ письмѣ къ одному проконсулу говоритъ: „каждый имѣетъ право обожать то, что кажется ему за лучшее. Противно вѣрѣ — принуждать къ вѣрѣ. Богопочтеніе не можетъ быть безъ участія сердца“. Религія, говоритъ другой христіанскій писатель того же періода, Лактанцій, — не терпитъ принужденій. Убѣжденіямъ, а не насиліемъ образуется въ человѣкѣ свободное произволеніе. Нигдѣ нѣтъ такой свободы, какъ въ области религіи. Никого нельзя силою заставить почитать то, что онъ не хочетъ“.

Принципъ вѣротерпимости, такъ энергично проповѣданный церковью гонимую, не находить себѣ примѣненія въ церкви торжествующей. Едва освободившись отъ гоненій со стороны язычниковъ, христіане уже вызываютъ къ правительству о гоненіи на язычниковъ. И язычество дорого пришлось заплатить за тѣ преслѣдованія, какія прежде терпѣло отъ него христіанство! Религіозная вражда глубоко раздѣляетъ теперь и самихъ христіанъ, погруженныхъ въ безконечныя споры о тайнахъ Божества. Духъ этой вражды довольно широко проявляетъ себя на самыхъ священныхъ соборахъ христіанъ — не только въ шумныхъ и страстныхъ словобитіяхъ, но иногда даже въ насильственныхъ дѣяніяхъ. Вѣмѣтельность правительства въ дѣла вѣры уже перестаетъ быть нечестіемъ, а напротивъ даже восхваляется, какъ актъ благочестія, разумѣется тою стороною, для которой оно благоприятно, и до тѣхъ поръ, пока благоприятно, — и ересь, благодаря этому благочестію, является въ ряду уголовныхъ преступленій.

Ожесточеніе, съ какою разномыслия преслѣдуетъ другъ друга, измѣляетъ самихъ язычниковъ: „не такъ страшны людямъ свирѣпыя зѣбры, какъ христіанамъ христіане“, замѣчаетъ по поводу религіозныхъ споровъ христіанъ извѣстный историкъ — язычникъ Аммианъ Марцеллинъ. Эллинская мудрость, съ ея философско-широкими идеями терпимости, пытается выступить въ роли миротворительницы христіанъ. Философъ Эмистій, по поводу гоненій императора Валента на исповѣдниковъ единосузія, представляетъ ему рѣчь, въ которой доказываетъ, что различіе въ христіанскихъ догматахъ не столько не странно, что въ сравненіи съ множествомъ и смѣлою догматовъ языческихъ оно даже невелико, потому что у язычниковъ болѣе трехъ сотъ различныхъ ученій, что гдѣ много мнѣній, тамъ по необходимости много бываетъ и разногласія, и что такое различіе мнѣній угодно Богу, чтобы каждый болѣе благоговѣлъ предъ величьемъ того, въ дѣнь котораго для него недоступно. Но христіанамъ ли, по части боговѣдѣнія и богоугожденія, учиться у язычниковъ?

нхъ (опасаясь вступить въ столкновение съ чувствомъ скромности читателей) мы остановились, для примѣра, на мелочи, на привычкѣ г. Бабинова, „премера“ нашей труппы, грызть или чистить ногти, въ такъ называемыхъ „сценахъ размышленія“. Привычка, конечно, существуетъ нѣрѣдко въ дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе, въ своемъ воспроизведеніи, весьма далека отъ предѣловъ эстетики. Итакъ, не все натуральное — сценично.

Драма есть изображеніе человѣческаго страданія. Но тутъ то лежитъ важнѣйшій вопросъ: — какого именно страданія? Думаемъ, что единственно законное и желательное дѣйствующее лицо драматическаго произведенія — человѣческая душа, во всѣхъ ея изгибахъ и проявленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ драматургъ является нравственнымъ учителемъ, въ этомъ смыслѣ его произведеніе — если можно такъ выразиться — служитъ живымъ учебникомъ психологіи. Воспроизведеніе страданія чисто физическаго производитъ подавляющее впечатлѣніе; зритель, ни чему не на-

У нихъ есть свои мудрецы, свои свѣтила. И вотъ одно изъ этихъ свѣтилъ блж. Августинъ, на основаніи соображеній разума и писанія развиваетъ такую теорію на счетъ отношеній къ немилосердному. „Если мы видимъ, что кто нибудь изъ нашихъ враговъ въ припадкѣ горячки бѣжитъ, чтобы броситься въ пропасть, то позволимъ ему сдѣлать это, не остановимъ его, — не значило ли бы воздавать зломъ за зло? Не всегда бываютъ друзья, которые щадятъ, и не всегда — враги, которые бьютъ... Говорятъ, что писаніе не допускаетъ употребленія силы. Но развѣ не сказано въ писаніи: Сего интаге — понудъ войти (въ притчѣ о званіяхъ на вечерю)... Самъ Христосъ не говоритъ ли намъ: „никто не придетъ ко мнѣ если отецъ небесный не привлечетъ его“... Эта теорія насильственнаго привлеченія къ истинѣ, конечно предвѣренная уже самою жизнью, получаетъ самое широкое примѣненіе. Преслѣдованія за вѣру въ мірѣ христіанскомъ болѣе и болѣе разгораются и приводятъ наконецъ — не только на Западѣ, но и на Востокѣ, къ кострамъ инквизиціи, на Востокѣ даже раньше, чѣмъ на Западѣ: достаточно сказать, что еще въ IX вѣкѣ здѣсь, при императорѣ Михаилѣ III, въ небольшой періодъ времени, въ кѣмъ нибудь 15 лѣтъ, было истреблено огнемъ и мечомъ не менѣе ста тысячъ павлианъ — сектантовъ, по своему антихристіанскому направленію, очень похожихъ на нашихъ штудистовъ.

Успѣхи знанія противостали на Западѣ этому разряду религіознаго фанатизма, превратившаго ученіе Христово о любви въ ученіе объ истребленіи. Просвѣщеніе водворило въ христіанской Европѣ идею вѣротерпимости, которая безспорно лежитъ въ самой сущности христіанства, но была забыта и поправа въ церкви.

Русская церковь въ дѣлѣ религіознаго преслѣдованія, къ чести ея нужно сказать, шла далеко позади какъ своей учительницы — византийской, такъ и западной. Получивъ, еще по уставу Владиміра, право суда надъ ересью, она не хотѣла однако же употребить противъ еретиковъ жестокихъ казней, опредѣленныхъ въ греческомъ мономахіи. Еретиковъ первоначально подвергались у насъ только церковному покаянію въ монастыряхъ. Не употребивъ сама жестокихъ казней противъ еретиковъ, церковь, въ лицѣ іерарховъ, старалась сдерживать религіозный фанатизмъ и въ темныхъ народныхъ массахъ. Въ XIII в., когда на Западѣ дымилась кость еретиковъ и волнебникоу, епископъ владимірскій, Серапіонъ, сильно порицаетъ народный обычай жечь, во время народныхъ бѣдъ, колдуновъ или бросать ихъ, для испытанія божіимъ судомъ, въ воду. Въ XIV стол. архіепископъ новгородскій, подвергнувъ вождя ереси стрігольниковъ церковному отлученію, строго запрещаетъ новгородцамъ казнить еретиковъ. Въ XV в., по поводу ере-

учаясь, испытываетъ боль, въ которой нѣтъ ли малѣйшей эстетической струйки. Физическій элементъ въ драматическомъ искусствѣ играетъ служебную роль; онъ является, по отношенію къ зрителью, проводникомъ того, что происходитъ въ душѣ изображаемаго героя. Поза, движеніе, измѣненіе голоса, должны выражать психическое состояніе дѣйствующаго лица; они, какъ физическія знаки, должны ступовываться, какъ только эстетическая искра сообщила публикѣ обо значимый душевный аффектъ. Въ противномъ случаѣ, сценическая мимика становится „крикливой“ и перестаетъ быть „арсеналъ театральнаго жеста“. Физическій жестъ, изображающій только физическое страданіе, — и изображающій точно, естественно, интересъ для мѣдика, но оскорбляетъ храмъ Мельпомены.

Когда передъ нами раскрывается водворотъ человѣческихъ страстей, когда передъ нами страдаетъ душа, разрываемая противоположными стремленіями, колеблется воля, парализуемая сложностью импульсовъ, когда,

си жидовствующихъ, въ средѣ самаго духовенства идутъ горячіе споры о томъ, дозвоительно ли казнить еретиковъ. Сторона фанатиковъ (Геннадій Новгородскій, Іосифъ Волоцкій), поддерживаемая царемъ Іоанномъ III, которому еретики казались опасной политической партіей, одерживаетъ верхъ: по опредѣленію собора, главнѣйшіе изъ еретиковъ были сожжены. Но догматическія вопросы о казни остаются все еще нерѣшенными. Бѣлозерскіе старцы, съ Вассіономъ Патрикѣевымъ во главѣ, продолжаютъ съ Іосифомъ Волоцкимъ, главнымъ преслѣдователемъ еретиковъ, споръ, доказывая, что казнь еретиковъ противна духу христіанства. Полное дѣйствіе греко-римскихъ законовъ о ересьхъ началось только во второй половинѣ XVII в., по поводу раскола старообрядцевъ и почти исключительно въ примѣненіи къ старообрядцамъ. Много, какъ извѣстно, пришлось выстрадать этимъ ревнителямъ стараго обряда въ борьбѣ за религіозную свободу. Но едва ли будетъ ошибкою сказать, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ, каковы подвергались у насъ диссиденты, русское богословіе все-таки не домыслилось до инквизиторскаго догмата о богоугодности преслѣдованія. (по крайней мѣрѣ не развило, не акцентировало этого догмата) и не фанатизировало, въ этомъ направленіи, народнаго духа. Преслѣдованія у насъ имѣли болѣе правительственно-полицейскій, чѣмъ церковно-общественный характеръ. Поэтому, когда правительству, увидавъ всю нецѣлесообразность преслѣдованій, находило нужнымъ, подъ влияніемъ ли философско-просвѣдительскихъ идей о терпимости — при Екатеріанѣ II, или евангельскихъ — при Александрѣ I, ослабить преслѣдованія, — просвѣдительскія іерархіи русскіе не только не были противъ, напротивъ являлись даже наиболѣе чуткими къ новымъ вѣяніямъ и усердными истолкователями идей времени. Въ 1816 г. магистратомъ и уголовною палатою въ Москвѣ осужденъ былъ старообрядецъ къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и къ ссылкѣ въ каторжную работу за произведеніе, во время нетрезвости, ругательства на св. Димитрія Ростовскаго. Военный генералъ-губернаторъ, признавая наказаніе жестокимъ, дозволялъ о семъ Государю, бывшему тогда въ Москвѣ. Государь велѣлъ узаконить мнѣніе преосвященнаго Августина. Преосвященный отвѣчалъ, что, по его глубокому убѣжденію, „если бы самъ свѣтитель Димитрій былъ еще на землѣ, то и онъ ужаснулся бы сего приговора и конечно ходатайствовалъ бы о помилованіи, снисходивъ и сострадая невѣжеству преступленія, которое одно и есть причина сего преступленія. Все, что можно въ сѣмъ случаѣ опредѣлить къ наказанію его, такъ это заключеніе въ монастырь на нѣкоторое время для враждебленія и обузданія, пока окажется раскаяніе“. Когда же ожидалаго раскаянія, въ монастырскомъ заключеніи, не послѣдо-

вало, преосвященный написалъ: „со стороны св. православной церкви употреблены всѣ мѣры къ исправленію его; но какъ онъ остается упорно въ заблужденіи своемъ, то оставить его суду Божію, и изъ монастыря освободить“.

Если, не смотря на относительную слабость въ нашей церковной и народной жизни преслѣдовательскихъ традицій, которыми такъ богата западная Европа, мы, по части вѣротерпимости, стоимъ все таки далеко не во главѣ просвѣщеннаго міра, если, у насъ напримѣръ, до сихъ поръ болѣе 10 милліоновъ послѣдователей „стараго обряда“, наравнѣ со всѣми русскими гражданами, усердно отбывающихъ всѣ повинности, не пользуются правомъ свободнаго отправленія культа, и всякое вообще уклоненіе членовъ господствующей церкви отъ вѣрованій и обрядовъ этой церкви, хоть бы то и въ сторону нравственнаго улучшенія жизни, можетъ быть преслѣдуемо какъ преступленіе (штудизмъ), — причина этого, конечно, заключается въ относительно слабости дѣйствія у насъ той силы, которая на западѣ разбила твердую фанатизма и послужила для Европы врачевствомъ отъ религіознаго умомраченія, то есть — силы просвѣщенія. Съ подъемомъ этой силы естественно и у насъ неизбежно должна подняться идея терпимости до надлежащей высоты, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе самый складъ нашей церковной и народной жизни можетъ представлять къ тому серьезнаго противо-дѣйствія. И время, въ которое мы живемъ, несомнѣнно даетъ уже чувствовать значительный подъемъ, въ нашемъ общественномъ сознаніи, этой идеи. Всѣ органы печати, безотносительно къ ихъ направленіямъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ говорятъ въ пользу религіозной свободы, выражая, конечно, тѣмъ мнѣніе по сему предмету просвѣщенной части нашего общества. Диссиденты, добиваясь религіозныхъ правъ, вызываютъ къ „человѣколюбию и прогрессу, руководящимъ въ Петербургѣ“ (переводная статья газеты „Старообрядецъ“ отъ 1 февр.), то есть становятся, и совершенно справедливо, подъ кровомъ того же просвѣщенія. Требования просвѣщенной терпимости становятся неотложными. И эти требованія къ православному русскому государству тѣмъ болѣе примѣнны, что въ тоже время это вѣдѣ требованія евангелія и первоначальной христіанства, гласившаго, какъ мы слышали, безъ всякихъ колебаній о полной религіозной свободѣ.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Совѣтъ харьковского отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества проситъ насъ напечатать слѣдующее заявленіе:

Предсѣдатель Императорскаго русскаго техническаго общества сообщить предсѣдатель харьковского отдѣленія,

любленная; затѣмъ Гамлетъ убиваетъ отца ея, принимая его за мышь, а терпя бросается въ воду. На сценѣ роютъ для нея могилу; могилышки, съ черепами въ рукахъ, перебрасываются другосмысленностями, на которыхъ принцъ отвѣчаетъ не менѣе отвратительными грубостями. Далѣе, Гамлетъ, его мать и отчимъ пируютъ, пьютъ, бранятся, дерутся, и наконецъ, всѣ убиваютъ другъ друга. Въ этомъ пересказѣ содержанія великой драмы звѣзельность гениальнаго французъ выступила далѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, за геркулесовы столбы справедливости. Аппелируя къ личному воспоминанію каждаго, выдающаго десятки разъ „Гамлета“, мы не считаемъ нужнымъ пускаться въ доказываніе, что вѣщныя, перечисленные и искаженные Волтеромъ факты, совершенно тонутъ въ глубинѣ неизмѣримо-широкаго, психологическо-эстетическаго содержанія трагедіи. Можно ли видѣть просто-болонную женщину въ поэтически греющей Офеліи? Представляетъ ли себѣ умирающаго Гамлета кто-либо изъ тѣхъ, передъ глазами которыхъ сто-

что по просьбѣ французскаго министра почтѣ и телеграфовъ и съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17 апрѣля, общество приняло на себя устройство русскаго отдѣла на международной электрической выставкѣ, имѣющей открытіе въ Парижѣ въ августѣ мѣсяцѣ сего года, и устраиваетъ нынѣ же въ своемъ помѣщеніи предварительную выставку предметовъ, высылаемыхъ на оную, которая продолжится до 20-хъ чиселъ мая мѣсяца.

Совѣтъ харьковскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества съ своей стороны готовъ оказывать всякое содѣйствіе лицамъ, желающимъ принять участіе на предстоящей парижской выставкѣ и просить таковыхъ обращаться словесно или письменно на имя предсѣдателя или секретаря харьковскаго отдѣленія. (Сумская ул., д. № 50, кв. № 2).

3-го мая, не смотря на неблагоприятную погоду, состоялись скачки, которые были далеко не лишены интереса.

Начались они съ испытанія трехлѣтнихъ жеребцовъ и кобылъ, рожденных въ Россіи въ 3-мъ коннозаводскомъ округѣ, скакавшихъ на дистанціи 2 вер. 133 сажени. Въсѣ для жеребцовъ 3 п. 10 ф.; для кобылъ 3 п. 5 ф., первый призъ главному управленію государственнаго коннозаводства 700 р., второй 300 р., а третій—своя подписка. Скакали: „Нана“, кар. коб. Е. М. Ильенко, собственнаго завода, взяла первый призъ; прошла дистанцію въ 3 м. 4 сек., второй пришло „Набабъ“, кар. жеребецъ, того же владѣльца, заводъ, оставивъ на 1/2 корпуса, получилъ второй призъ; третьимъ пришло Дарьялъ, рыж. жеребецъ, И. Г. Илавайскаго, собственнаго завода, оставивъ на 2 корпуса; послѣдній пришла „Фатма“, гнѣд. коб., князя Г. Д. Хилкова, собственнаго завода, оставивъ на 4 корпуса. Скакали тихо, скачку повела „Нана“ и до конца осталась вперед.

Потомъ начались для полученія приза скачки жеребцовъ и кобылъ четырехлѣтнихъ. Дистанція 3 версты. Первый призъ 900 руб., второй лошади изъ приза и подписанныхъ 200 р. Въсѣ на жереб. 3 п. 16 ф., коб. 3 п. 11 ф.

Скакали: „Диръ-бой“, гнѣд. жереб. М. А. Денисова, завода быши. Чернозубова (нынѣ Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго), пробѣжавъ дистанцію въ 4 м. 34 с., взяла первый призъ, вторымъ прибѣжалъ „Калиберъ“, гнѣд. жереб. завода Хрѣнова, оставивъ на 2 корпуса, получилъ второй призъ и третьимъ „Моцартъ“ Г. Д. Хилкова, завода А. М. Хилкова, оставивъ на 15 сажени.

Сначала скакали очень тихо, вѣдоки, какъ видно, хитрили, посылая одинъ другого впередъ; скачку повелъ „Моцартъ“ за нимъ слѣдовалъ „Калиберъ“, а далеко отставъ скакалъ „Диръ-бой“ удерживаемый на трехъ поводахъ. На третей верстѣ „Диръ-бой“ сталъ прибавлять шагу и на послѣднемъ поворотѣ всѣ три лошади стали на ровной линіи—голова въ голову, а затѣмъ постепенно стали опереживать „Диръ-бой“, за нимъ „Калиберъ“, и „Моцартъ“ совершенно отсталъ.

Самая красивая лошадь „Диръ-бой“ и намъ казалось, что наѣздики не должны были пускать въ дѣло хлыста, что онъ слѣдовалъ на послѣднемъ поворотѣ. Эта лошадь при хорошемъ вѣдоки оставила бы далеко больше поводи остальныхъ лошадей.

Что же касается рысистыхъ бѣговъ, то тутъ вышли недоразумныя. Призъ былъ назначенъ для лошадей всѣхъ возрастовъ въ 200 рублей первый и

не болѣе 50—2-й. Дистанція 4 в. и перебѣжка 3, норма 2 м. 15 с. В. первый заѣздъ шли: „Солидный“ Т. карак. жеребецъ владѣльца В. Я. Михайлова, завода Горшкова, пройдя дистанцію въ 8 м. 13 с., слѣдовалъ съ мѣста нѣсколько лапцандъ, отъ того, что вѣдоки съ мѣста хлестнули ее сражу возжами; „Быстрый“, гнѣд. жер., собственн. В. Г. Быкакина, завода Чеботарева, которому на третей верстѣ приказано было съѣхать съ круга. Потомъ бѣжалъ „Дыльный“, вор. жер., собственн. Б. Ф. Шкорботова, завода Колемина, прошелъ дистанцію въ 8 м. 16 с.

Возникли толки, кому присудить призъ? „Солидному“? но онъ слѣдовалъ нѣсколько лапцандъ числомъ болѣе трехъ, это не можетъ быть признано побѣдой; „Быстрый“ же съѣхалъ съ круга; остается „Дыльный“, но онъ пришелъ позже „Солиднаго“. Члены рѣшили лишить приза „Солиднаго“, какъ слѣдовавшаго нѣсколько лапцандъ (почему же они позволили ему бѣжать?), допустить перебѣжку между „Дыльнымъ“ и „Быстрымъ“ (но вѣдъ „Быстрый“ уже развѣ былъ сведенъ съ круга, слѣдовательно въ перебѣжкѣ участвовать не могъ), въ которой одержалъ верхъ „Дыльный“, хотя нужно присовокупить, что перебѣжка была въ темнотѣ, да и подлужный много мѣшалъ слѣдить за бѣгомъ лошади.

Намъ доставлена слѣдующая замѣтка: По откровенному указанію одного оберъ-кондуктора, бѣдншаго съ побѣдами азовской дороги отъ Харькова до Ростова и обратно, — та побѣдка считается неудачною, которая не даетъ оберъ-кондуктору привести съ собою домой менѣе 100 руб. Но вѣдъ жереб. этихъ 100 руб., — по крайней мѣрѣ 25 рублей остаются въ рукахъ разныхъ властей, отъ которыхъ зависитъ контроль пассажирскихъ билетовъ, и надобно по крайней мѣрѣ оставить столько же въ рукахъ прочихъ низшихъ членовъ побѣдной прислуги. Такимъ образомъ приходится принять, что каждый пассажирскій и почтовый побѣздъ, проходящій по азовской дороги отъ Ростова до Харькова и обратно, уноситъ изъ кармана акціонеровъ дороги по 150 руб.; и это еще мы считаемъ милостиво, ибо не вводимъ въ этотъ расчетъ 230 верстъ проходившихъ побѣздами между Курскимъ и Харьковомъ, гдѣ дѣло точно также не обходится безъ зайцевъ. Не какъ сверхъ двухъ чисто пассажирскихъ побѣздовъ есть еще ежедневно одинъ товарно-пассажирскій, то справедливость требуетъ прибавить зайцевую его доходность въ половину противъ предыдущихъ, т. е. въ 75 руб. За симъ мы не описишемъ, если скажемъ, что выручка отъ зайцевъ никакъ не составляетъ болѣе 40% дѣйствительной стоимости билетовъ, ибо въ противномъ случаѣ не стоило бы и уклоняться отъ взысканія билетовъ. — Изъ всего этого выдѣлать, что дорога азовская теряетъ, благодаря зайцамъ, ежедневно 937 р. 50 к., а въ годъ не болѣе какъ только 342,187 руб., или около 448 р. на версту. А какъ общая выручка за пассажирскіе билеты всѣхъ классовъ (кроме багажа) была въ 1879 году на этой дорогѣ 1,698,571 р., то выведенная нами потеря составляетъ нѣсколько менѣе 21% этой суммы, да и сама по себѣ на столько значительна, что могла бы казаться обратитъ на себя особое вниманіе гг. администраторовъ правленія дороги. Если на содѣланныхъ съ азовскою—московско-курскою, харьково-николаевскою и лозово-севастопольскою, зайцевъ можно сказать вовсе почти не существуетъ, то казалось бы того же можно достигнуть и на азовской! Почему бы не увеличить жалованье кондукторамъ и даже

контролерамъ, если они нужны и при томъ въ такомъ большомъ числѣ; по почему бы и не установить съ этихъ лицъ гораздо болѣе строгій отчетъ и не оставить равнодушными къ тому какъ эти господа соорудятъ себѣ дома изъ маленькаго жалованья и безобразничать въ публичныхъ мѣстахъ, бросая сотни рублей, на удивленіе и зависть праздыхъ зѣнакъ и завсегдатаевъ.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ.

Ради того интереса, который представляется въ скорѣйшемъ рѣшеніи вопроса о постройкѣ конно-железной дороги въ Харьковѣ, я надѣюсь, что вы, г. редакторъ, помѣстите мое письмо въ вашей газетѣ.

Посторонній человѣкъ въ городской думѣ не имѣетъ возможности заявить что нибудь; услугу ему въ этомъ случаѣ можетъ оказать печать. Я пользуюсь этимъ.

Для многихъ гласныхъ и всего Харькова гласный Поморцевъ заявилъ себя человѣкомъ, который задаетъ дѣлою тормозить постройку конно-железной дороги въ нашемъ городѣ. Въ этомъ я вполнѣ убѣдился, когда побывалъ въ послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ (28-го апрѣля и 1-го мая). Кандидатъ правъ Поморцевъ является еще человѣкомъ весьма и весьма грубымъ; онъ не позволяетъ прерывать свою рѣчь выкомомъ изъ гласныхъ; самъ же почти не даетъ говорить другимъ. Предсѣдатель думъ пользуется такимъ же уваженіемъ со стороны Поморцева. Какъ только предсѣдатель прочтетъ вопросъ, подлежащій разрѣшенію, сейчасъ же поднимается Поморцевъ съ бумагами и карандашомъ въ рукахъ и начинаетъ свои длиннѣйшія доказательства. Въ началѣ онъ обращается лицомъ къ предсѣдателю, потомъ, по мѣрѣ увлеченія, бокомъ и наконецъ окончателемъ не увлекается своими доводами и поворачивается спиной къ предсѣдателю, начиная расхаживать около скамеекъ, на которыхъ сидятъ гласные. Этотъ послѣдній привычкой своей, Поморцевъ заставляетъ нѣкоторыхъ гласныхъ уходить отъ него на другія скамьи. Мнѣ пришлось слышать, какъ одинъ изъ нихъ, переходя къ другой рядъ скамеекъ, сказалъ своему сосѣду: „этотъ Поморцевъ совсѣмъ оглушилъ меня; я отодвигаюсь отъ него, а онъ подходитъ ко мнѣ; я дальше, — онъ тоже, наконецъ я прошу его отойти отъ меня, но онъ не слышитъ этого. Принужденъ я уйти отсюда“.

Нѣкоторые гласные заявили, что времени терять не надо, различныхъ преній слѣдуетъ избѣгать. Гласный же Мевіусъ поддалъ по поводу этого письменнаго заявленія; въ немъ онъ говорилъ, что дума давно уже толкуетъ о конно-железной дорогѣ, вопросъ о разясненіи и что не слѣдуетъ тратить время и поскорѣй утвердить контрактъ о постройкѣ дороги. Противъ заявленія Мевіуса, Поморцевъ разразился цѣлымъ громомъ: „мы не должны обращать вниманія на это заявленіе; оно является наставленіемъ для думы, дума же, напротивъ, должна имѣть свое сужденіе“ и т. н.

Нѣкоторые гласные пытались было заявить о правѣ говорить первыми членамъ комиссіи по составленію контракта съ строителемъ дороги. Поморцевъ и въ этомъ случаѣ оказалъ услугу своими доводами и доказательствами: онъ не далъ возможности многимъ гласнымъ обратить вниманіе на это заявленіе. Мнѣ кажется, что это

заявленіе имѣетъ большое значеніе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи контракта; можно бы было безъ особенныхъ преній и скорѣй окончить это дѣло.

Члены названной комиссіи были выбраны большинствомъ гласныхъ; слѣдовательно, между членами этой комиссіи надо предполагать людей сѣдучихъ въ порученіемъ имъ дѣлъ. Къ тому же между ними есть и специалисты техническаго дѣла. Они хорошо обдумали каждый пунктъ контракта; отлично знакомы съ тѣмъ или другимъ доводомъ строителя. Такимъ образомъ, комиссія есть группа изъ числа гласныхъ, которая болѣе знакома съ контрактомъ, болѣе имѣетъ возможности сказать за или противъ контракта. Надо бы предоставить первый голосъ членамъ комиссіи; они высказались бы, почему выработали такой пунктъ контракта такъ, а не иначе. Послѣ этого высказались бы и остальные гласные.

Придерживаясь такого порядка, я вполнѣ убѣренъ, что рѣшеніе вопроса не затягивалось бы такъ долго и притомъ гласные не принуждены бы были прибѣгать къ подобному рода нецѣлѣвымъ заявленіямъ: „господа! теперь я уже совершенно не пойму о чемъ мы говоримъ“.

Пожалуй Г. Поморцевъ сочтетъ мою замѣтку (по обывновенію) наставленіемъ. Напротивъ, я высказываю не наставленіе, а законное желаніе нѣкоторыхъ гласныхъ. Впрочемъ, г. Поморцеву полезны хорошіе совѣты.

Дав.....

Изъ записной книжки репортера.

Не смотря на то, что полиціей нашей приняты очень энергичныя мѣры, чтобы у насъ не поворилась средне-вѣковая расправа съ евреями, которая имѣла мѣсто даже въ матеріи городовъ русскихъ, тѣмъ не менѣе попытки, тотчасъ правда парализуемая, встречаются и у насъ. Третьяго дня, напримѣръ, подлѣ гостиницы Муравьева, гдѣ по праздничнымъ днямъ обывновенно собираются рабочіе, чтобы поболтать съ приятелемъ, напиться чаю, а иногда и побаловаться рюмкой водки, собралась толпа рабочихъ человѣкъ около трехъ сотъ, которые мирно разговаривали о текущихъ вопросахъ своей жизни; вдругъ изъ трактира вырываются двое пьяныхъ и съ крикомъ „пора и у насъ бить жидовъ“, бросаются въ толпу, но оба молодчика моментально схвачены стоящими тутъ городовыми и препровождены въ участокъ, а толпа какъ ни въ чемъ не бывало мирно продолжаетъ бесѣдовать о своихъ дѣлахъ.

Или, въ воскресенье, въ Тиволи сидятъ за однимъ столомъ два еврея, а за другимъ двое подвыпившихъ русскихъ. Подгулявшие начинаютъ задѣвать евреямъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ подымается: „Чтожь это мы отстали, во всѣхъ городахъ...“ Но полиція не даетъ словоохотливому оратору окончить начатой имъ рѣчи и принимаетъ зависящую отъ нея мѣру.

У насъ уже нѣсколько разъ сообщались свѣдѣнія о томъ, какъ ведутъ себя нѣкіе чины расположенныхъ въ Харьковѣ войскъ. Въ pendant къ этому намъ пришлось узнать слѣдующій фактъ, о которомъ уже сообщено по начальству и протоколъ представленъ мировому судѣ. Дѣло въ томъ, что въ день Свѣтлаго Воскресенія нѣсколько нижнихъ чиновъ 3 роты тамбовскаго полка, квартирующаго въ домѣ Петинскаго, по Петинской улицѣ, въ близкашемъ кабакѣ стали страшно дебошир-

ничать. Не смотря на всѣ мѣры употребленныя надзирающимъ, солдаты не унимались. Въ это время по Петинской улицѣ проѣзжалъ майоръ Р., къ которому околоченный и обратился съ просьбой приказать разойтись нижнимъ чинамъ, такъ какъ они дебоширяютъ и бьютъ находящихся въ кабацѣ. Но майоръ Р. вѣдѣю того, чтобы употребить свое вліяніе на солдатъ, не сказавъ ни слова, проѣхалъ мимо.

ТЕЛЕГРАММЫ

(отъ нашего спеціального корреспондента).

Бездичево, 4 мая, понедѣльникъ. Слухъ о безпорядкахъ и пожарахъ въ нашемъ городѣ лишонъ всякаго основанія.

(отъ „Международ. телеграф. агентства“)

С.-Петербургъ, 4 мая, понедѣльникъ. Погребеніе принца Ольденбургскаго послѣдуетъ 8 мая. Прибудетъ владѣтельный герцогъ Ольденбургскій. Сегодня прибыли черноморская депутация, генералъ-адъютантъ Скобелевъ, московскій генералъ-губернаторъ князь Долгорукой.

Римъ, 3 (15) мая. Король Гумбертъ принялъ прошеніе министерства объ отставкѣ и поручилъ селѣ сформировать новый кабинетъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Александровскъ, екатеринославской губерніи (корреспонденція „Южнаго Края“). Пишу эти строки подъ вліяніемъ тяжелаго печальнаго: улицы нашего города переполнены бѣгущимъ чернью, которая разбиваетъ принадлежащее евреямъ дома и разграбляетъ ихъ имущество. Смущеніе и страхъ жителей достигли своего апогея. Полиція не въ состояніи остановить разгуливающихъ порою произвола и насилия. Мѣстная команда по численности такъ ограничена, что положительно не въ состояніи оказывать серьезное сопротивленіе и предотвратить пагубныя послѣдствія сумасбродства черни.

Около 7 часовъ вечера собралась значительная толпа, преимущественно железнодорожныхъ рабочихъ на базарѣ, и съ крикомъ и гамомъ бросилась расхищать съестные припасы и товары, находившіеся въ обширномъ ряду (шопѣ). Явилась полиція. Исправникъ убѣждалъ толпу разойтись. Но увѣщанія его остались гласомъ вопиющаго въ пустынь. Между тѣмъ толпа все болѣе увеличивалась прибывавшими изъ окрестностей города; къ ней скоро присоединились тѣ мѣстные пролетаріи, которые извѣстны у насъ подъ именемъ „босой команды“ и которые въ своей дѣятельности и образомъ жизни весьма сильно подходятъ къ типу харьковскихъ „раблѣвъ“.

Толпа все болѣе и болѣе волнуетъ. Слышались неистовые крики: „бить жидовъ! Жиды наши грабители! Разорвать жидовъ!“ Прежде всего толпа разграбляла подвалъ богатаго мѣстнаго еврея, Шедрича. Выкачиваются бочки съ водкой и виномъ и все это здѣсь же распивается. Въ толпѣ слышались остроты-пожеланія: „пьемъ за погилъ жидовъ! Чтобы имъ добра не было!“ и въ такомъ родѣ.

нхъ движеній, никакой артистически исполненной предсмертной вѣтвой. Что же касается „нынѣшняго состоянія нашей актерскаго искусства“ (мы дѣлаемъ маленькое исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ „знаменитостей“), — то оно совершенно довольно удачно въ одномъ порядочномъ мѣстѣ вообще посредственнаго романа.

На стр. 219-й ром. г-на Ключникова „Большіе Корабли“, читатель встрѣтитъ разговоръ двухъ молодыхъ людей, въ гостяхъ у актрисы.

— Вполнѣ ли вы знакомы съ ея талантомъ? (обращается, между прочимъ, одинъ изъ нихъ къ другому). Хотите, я вамъ покажу его во всемъ объемѣ?... Пойдемте, я сейчасъ попрошу ее продѣлать въ гостинной все то, что она исполняетъ на сценѣ...

И встѣлъ за словомъ, онъ подбѣжалъ довольно близко къ другому, и передавая свою жертву.

— Слышали новость? безпечно проговорилъ онъ: — сегодня двоихъ убило громомъ.

Актриса всплеснула руками, хрустнула пальчиками и вскинула глаза наверхъ...

— До смерти? проговорилъ она глухимъ голосомъ.

— До смерти, проговорилъ Астрентъ (фамилія молодого человѣка).

Затѣмъ толпа разбивается на три части. Одна остается расхищать имущество Шедрича, другая идетъ въ одну часть города, — третья держитъ маршрутъ въ противоположную часть. Впереди толпы бѣгутъ мальчишки, которые подымаютъ толпѣ еврейскія квартиры и дома и первые начинаютъ бросать въ окна этихъ домовъ камни и брусля, испуская при этомъ неистовый крикъ, увеличивающій общее смѣненіе и подзадоривающій разнузданныя страсти нападающихъ.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены: осматривъ разрушенную работу черни на базарѣ, запыль я къ члену земской управы, г. К., членовку семейному, который ужасно боится, чтобы толпа не перешла его дѣтей. Домъ, въ которомъ онъ квартируетъ, принадлежитъ еврею Бердичевскому; а слѣдовательно, имѣя въ виду, что толпа не падитъ ни одного еврейскаго дома, надо было навѣрняка ждать нападенія, и — какъ знать? — быть можетъ и самому подвергнуться опасности? Недалекъ раздалась неистовые крики; уже слышались шаги приближавшейся толпы. Г-жа К. равно какъ и ее сестра-курстка, сохранили замѣчательное спокойствіе духа и приготовились встрѣтить бѣду, что называется, „лицомъ къ лицу“. На всѣхъ окнахъ поставили свѣчи и на одномъ изъ нихъ икону съ теплившейся лампадой — доказательство, что здѣсь живутъ православные. Надо замѣтить, что кромя дома, занимаемаго ими и находящагося во дворѣ, на улицѣ выходилъ фасадомъ другой домъ, въ которомъ помѣщаются сами хозяева — Бердичевскіе.

Послѣдніе скрылись въ виду всеобщей паники, оставивъ имущество на полный произволъ толпы.

Вотъ, наконецъ, толпа приблизилась къ дому Бердичевскаго, слышались страшный стукъ въ ворота. Вотъ уже нѣсколько душъ вошли во дворъ. Раздается потрясающій крикъ: — бей, ломай! Зѣбъ жиды!“

Въ этотъ моментъ мы стояли на крыльцѣ. Тяжело было смотрѣть на происходящую сцену. Надо было быть весьма находчивымъ и имѣть большое хладнокровіе, чтобы сумѣли ориентироваться въ подобномъ обстоятельствѣ.

А во дворѣ и на улицѣ все слышались надрывающіе душу крики: — „Ломай, бей, здѣсь жиды!“

— Зѣбъ квартируютъ русскіе! — громко произнесъ г. К. Можете войти въ домъ и убійте въ этомъ.

Двое изъ толпы врываются въ домъ, они шнырлютъ по всѣмъ комнатамъ, они осматриваютъ всѣ предметы.

„А зачѣмъ икона на окнѣ? У русскихъ ей мѣсто въ углу“, — спрашиваетъ одинъ.

— „Оставь ихъ въ покоѣ, увѣщаваетъ другой. Я знаю этого барина. Мы вѣдъ жидовъ бьемъ, а русскихъ не смѣтъ трогать. Жиды намъ насолили. Пойдемъ лучше разбивать вотъ тотъ домъ; тамъ жиды живутъ.“

Съ этими словами знавшій г. К. почти силой вытаскиваетъ своего пылаго товарища.

Легче намъ вздохнулось! Самый тяжелый моментъ для насъ миновалъ! Тѣмъ не менѣе намъ пришлось быть свидѣтелями ужасной сцены: вся толпа ринулась во дворъ и колымаи и камнями начала разбивать окна и двери дома, въ которомъ жили Бердичевскіе. Завзвѣли оконныя шибки. Попадали тяжелыя ставни. Толпа врывается во внутрь дома, и все находится тамъ то разбивается и разламывается, то выбрасывается чрезъ окна и двери во дворъ и на улицу. Около дамскихъ шубокъ и платѣвъ валяется поломанная мебель; почти половина двора засыпана цуломъ разорванныхъ перинъ и подушекъ; въ чу-

Черты лица его собесѣдницы задрожали и она, водрузивъ плечами, закрыла глаза.

— Да, печальное событіе, соболѣзновалъ Астрентъ: — говорить, одинъ изъ нихъ чревоуязвитель, который давалъ свои представленія, по желанію публики, на дому и показывалъ дикобразовъ.

Артистка пожала плечами, свернувъ голову на бокъ, и искоса поглядѣла на него.

— Что такое вы говорите? протрещала она, недоумѣвая.

— Виновать, перебилъ Астрентъ, — я это спуталъ! Впрочемъ, очень можетъ быть, ничего подобнаго и не бывало.

Артистка уронила руки, залилась гармоническимъ смѣхомъ, потомъ, будучи по командѣ остановилась и передала чашку своему собесѣднику (дѣло происходило за чаемъ).

Астрентъ вернулся къ озадаченному юнотѣ.

— Вотъ я показавъ вамъ ужасъ, недоумѣи и смѣхъ, — остальной миники добираться самъ.

И. Яромъ.

итъ, какъ живой, Гамлетъ страдающій, Гамлетъ подавленный суровыми обстоятельствами, столь мало гармонизировавшимся съ его душевными складами. Занавѣсь, падающая надъ трупомъ, покрывающимъ сцену, оставляетъ зрителя отнюдь не въ грустномъ предвѣдѣніи грозящаго каждому „смертнаго часа“. Трагедія не имѣла въ виду представить сумасшедшаго, большого и убитаго человѣка; она хотѣла изобразить героя, преисполненнаго любовью человѣчеству, рожденнаго для мирной, спокойной жизни, — и брошеннаго судьбою въ среду низменныхъ, часто преступныхъ страстей: жаждущій любви, онъ долженъ мстить, созданный для міра мысли, онъ долженъ дѣйствовать, склонный къ рефлексіи и созерцательности, онъ долженъ судить и карать *). Сильная роль великаго „сомнѣнія“ возноситъ слушателя на горнія высоты свѣта, озаряющаго самые темные уголки човѣческаго сердца. Зритель съ тревожнымъ слѣдитъ за теченіемъ событий душевной драмы, страдаетъ падѣ судьбою героя, — но эта тревога и это страданіе не угнетаютъ, а напротивъ, усиливаютъ его жизненный пульсъ.

Такова поучительность, широта и эстетическая возвышенность впечатлѣнія, производимаго истинной трагедіей.

Но у Шекспира есть еще изображенія физическаго страданія, у него есть мелькаютъ тамъ и сямъ — какъ справедливо замѣтилъ И. С. Тургеневъ — „потокъ крови, вырваннаго глаза и отрубленная голова“. Въ немъ сказывается, до нѣкоторой степени, одичавшій и жестокіе среднихъ вѣковъ. Мы пойдемъ, поэтому, дальше, къ самому истоку европейскаго драматическаго искусства, мы зачерпнемъ примѣры въ хрустально-чистой поэзіи Греціи, мы вспомнимъ Эсхила, Софокла, Еврипида, и остановимся на трагедіи послѣднѣйшаго, знаменитѣйшаго „Медѣя“. Здѣсь раскрывается передъ нашимъ взоромъ цѣлая бездна кипучихъ страстей, здѣсь жена, оскорбленная въ своемъ супружескомъ чувствѣ, отравляетъ соперницу, мститъ мужу убійствомъ дорогихъ ей сердцу дѣтей. Сколько благодарныхъ сюжетовъ для современнаго, одавленнаго деревянными нервами, драматурга! Какаа поразительная сцена была бы создана имъ на тему кончины Главины, — невинной веселой дѣвушки, погибавшей отъ пропитанной ядомъ одежды, которую она, съ наивнымъ, дѣтскимъ восторгомъ, примѣряетъ предъ зеркаломъ! Въ какой бы восторгъ при-

шла современная публика, когда бы Медей, приводя въ исполненіе планъ задуманнаго мщенія, бросилась съ мечомъ, уяро освѣщенной рамы, на своихъ беззащитныхъ дѣтей! Но — подлѣ благословеннымъ небомъ Эллады господствовали иные вкусы: драматургъ не желалъ и не имѣлъ здѣсь права „обезсилить горемъ удивленіемъ зрителей“. Всѣ „эффекты“ — въ современномъ смыслѣ — событія происходили за сценой, зритель узнавалъ о нихъ изъ устъ современно явившихся „вѣстниковъ“. „Эстетическое чувство древняго грека возмущалось бы кровью и предсмертными муками умирающихъ трагическихъ лицъ, если бы они умирали на сценѣ, какъ у насъ, — говорилъ профессоръ Тихоновичъ, объясняя трагедію Еврипида въ рѣчи, произнесенной много лѣтъ тому назадъ. Грекъ любилъ наслаждаться драмою спокойно, безъ потрясеній и сильныхъ волненій; въ трагедіи онъ искалъ не сильныхъ ощущеній, не раздирающихъ сценъ, не крови и убійства, но чувствозанай, мысли, развитія и игры страстей, за которыми слѣдилъ спокойно, паявъ за лагомъ, любясь и наслаждаясь ими, какъ прекрасными статуями или картинами. Онъ приходилъ въ театрѣ отдыхать, успокоивать-

ся, забываясь отъ житейскихъ волненій и тревогъ, внимая прекраснымъ мыслямъ, глубокимъ чувствованіямъ, изысканнымъ рѣчамъ и пр.; оттого то многія греческія трагедіи, дѣйствительно, производятъ на современнаго читателя какое то величественно-мирящее и успокаивающее впечатлѣніе. И потому то грекъ вѣдѣю того, чтобы смотрѣть на смертельныя исходы трагическаго событія, предпочиталъ въ разсказахъ, исполненныхъ живыхъ и картинныхъ описаній. Съ греческой сцены изгнано было все, что требовало лишь вѣщнаго факта, одного только дѣйствія безъ развитія мысли или чувства“.

Таковы уроки подаваемыхъ свѣжей и юной древности нашему сѣдому вѣку: или „человѣческая“ трагедія Еврипида и Шекспира, — или эффекты гладиаторской битвы и боя быковъ, — вотъ дилемма, стоящая передъ каждымъ драматургомъ. Изъ тѣхъ же уроковъ вѣщнаго стариннаго обаянія и современнаго актера научиться отличать въ играемой пьесѣ важное отъ неважнаго, долженъ понять, что просвѣщенная и чуткая публика требуетъ отъ него души, отъ присутствія которой ему не удастся замаскировать никакой заученностью эффек-

*) В. Гюго: „Гамлетъ — это сомнѣніе въ центръ и любовь по обоямъ драмы“.

